

АНДРЕЙ КУРКОВ

СЕРЫЕ ПЧЕЛЫ
РОМАН

Харьков
«ФОЛИО»
2018

Холод поднял Сергея Сергеича около трех ночи. Смастаченная своими руками по рисунку в журнале «Любимая дача» буржуйка-камин со стеклянной дверцей и с двумя конфорочными кругами для готовки пищи больше не дарила тепло. Жестяные ведра, стоявшие рядом, оказались пустыми. В темноте он опустил руку в ближнее, и пальцы уткнулись в угольную крошку.

— Ладно! — сонно промычал Сергей Сергеич. Натянул брюки, влез голыми ногами в тапки, сделанные из обрезанных валенок, накинул кожух и, прихватив ведра, вышел во двор.

Остановился за сараем перед кучей угля. Взглядом сразу нашел лопату — на дворе было куда светлей, чем в доме. Гулко посыпались угольки, ударяясь о дно ведер. А когда первый слой дно покрыл, то и звук гулкий пропал, словно дальше они беззвучно сыпались.

Где-то далеко выстрелила пушка. А через полминуты снова выстрел, только вроде как с другой стороны.

— Что, не спится дуракам? Или согреться решили? — буркнул Сергеич недовольно.

Вернулся в темноту дома. Зажег свечку. В нос приятный теплый и медовый ее запах ударил. Тихое тоже, привычное и успокаивающее тиканье будильника, стоящего на узком деревянном подоконнике, услышал.

Внутри буржуйки оставалось еще немного жара, но все равно без щепок и бумаги холодный, принесенный с мороза уголь было не разжечь. Уже после того, как заплясали за прокопченным стеклом длинные синеватые язычки пламени, вышел хозяин дома на двор

еще раз. Далекая канонада, внутри почти не слышимая, доносилась с восточной стороны. Но тут другой, более близкий звук привлек внимание Сергеича и заставил его слух напрячь: по соседней улице явно машина проехала. Проехала и остановилась. В селе ведь только две улицы: Ленина и Шевченко, да один переулок Мичурина. На Ленина сам он живет, в не гордом одиночестве. А машина, значит, проехала по Шевченко. Там тоже только один жилец остался — Пашка Хмеленко, такой же ранний пенсионер, почти одноклассник, враг детства с самого первого класса их сельской школы. Его огород на Горловку смотрит, то есть на одну улицу он к Донецку ближе будет, чем Сергеич. А у Сергеича огород в другую сторону, к Славянску. Скатывается к полю, что сначала вниз уходит, а затем опять наверх поднимается, к Ждановке. Самой Ждановки с огорода не видно, она как бы за горбом прячется, а вот украинскую армию, что в горб этот блиндажами и окопами вкопалась, слышно время от времени. А когда не слышно, все равно Сергеич знает, что она там, слева от лесопосадки, вдоль которой по грунтовке трактора и грузовики раньше ездили, в блиндажах да окопах сидит. Три года уже сидит. Так же, как местная братва вместе с российским военным интернационалом в своих блиндажах чай и водку пьет за Пашкиной улицей Шевченко, за огородами, за остатками старого абрикосового сада, посаженного еще в советские времена, и за полем, которое война без крестьян оставила, как и то поле, что между огородом Сергеича и Ждановкой лежит. Тихо теперь тут! Уже недели две, как тихо. Не стреляют они пока друг в друга! Может, надоело? Может, снаряды и патроны на будущее берегут? А может, не хотят беспокоить последних двух жителей Малой Староградовки, уцепившихся за свои дома-хозяйства сильнее, чем собака за любимую косточку? Остальным малостароградовцам в самом начале боевых действий уехать захотелось. Они и уехали. Потому, что за жизнь свою испугались больше, чем за сохранность имущества, и из двух испугов выбрали который сильнее. У Сергеича испуга за свою жизнь от войны не случилось. Случилось от войны у него некое непонимание и внезапное безразличие ко всему, что его окружало. И словно все чувства пропали, кроме одного — чувства ответственности. Да и это чувство,

способное в любое время суток беспокойство вызвать, ощущал он только по отношению к своим пчелам. Но сейчас у них зимовка, а стенки в уликах толстые, сверху на рамках да под крышками закрытыми — листы войлока. Снаружи по бокам — пластины железа. Но хоть ульи и в сарае, все равно дурной снаряд может с любой стороны прилететь. Тогда осколки могут сначала железо посесть, а потом... Потом у них, может, и сил не станет деревянные стенки ульев насквозь пробить да пчелиную смерть посеять?..

2

Пашка пришел к Сергеичу в полдень. Хозяин дома как раз второе ведро угля в буржуйку высыпал, а сверху на нее чайник поставил. Думал в одиночестве чайку попить, да не вышло.

Перед тем, как незваного гостя в дом пустить, закрыл Сергеич прислоненный к стенке «сторожевой» топор веником. Мало ли, может, у Пашки для самообороны пистолет есть или «калашников»! Кто знает? Увидит топор в коридоре и лыбиться начнет, как он умеет, когда хочет показать, что собеседника за дурака держит. А у Сергеича для самообороны только топор и есть. Больше ничего. На ночь он топор под кровать кладет, и сон его по этой причине глубоким и спокойным бывает. Не всегда, конечно.

Открыл Пашке Сергей Сергеич дверь. И хмыкнул не очень дружелюбно вслед своим мыслям, которые в одно мгновение вывалили на соседа с улицы Шевченко гору обвинений, у которых, казалось, никогда срок давности не наступит. Напомнили мысли, как тот пакостил, дрался исподтишка, ябедничал учителям, списывать не давал. Можно сказать, что сорок лет простить бы да забыть обо всем! Ну простить — это да! Но как забыть, если в классе у них училось семь девчонок и только двое пацанов: он и Пашка. А значит, не было у Сергеича в школьном классе друга, был только враг! Хотя «враг» звучит как-то уж слишком тяжело и серьезно! Вот в украинском языке хорошее слово есть — «враженьтко». Оно лучше подходит. Это такой себе «вражонок», которого никто не боится!

— Ну привет, Серый! — чуть напряженно поздоровался Пашка, войдя в дом. — Электричество ночью давали! — сообщил он, примериваясь взглядом к венику, чтобы прихватить его да снег с ботинок смахнуть.

Веник взял, а при виде топора губы скривил.

— Врешь! — спокойно ему Сергеич ответил. — Давали б электричество, я б от него проснулся! У меня свет везде включен, чтобы не пропустить, когда появится!

— Да ты крепко спал, наверное! Ты ж так спишь, что и от взрыва не проснешься! А его-то и давали только на полчаса. Вот, смотри, — протянул Пашка хозяину дома мобильник. — Даже подзарядить успел! Может, позвонить кому хочешь?

— Некому мне звонить! Чай будешь? — не взглянув на телефон, спросил Сергеич.

— А чай откуда?

— Откуда?! От протестантов!

— Ну ты даешь! — удивился Пашка. — А у меня давно закончился!

Сели за столик. Пашка — спиной к буржуйке. От нее и ее железной трубы, столбом в потолок поднимавшейся, шло тепло.

— А чего такой жидкий? — глянув в чашку, проворчал гость. И тут же, уже другим, более приветливым голосом спросил: — А пожрать у тебя ничего нет?

Взгляд Сергеича стал сердитым:

— Ко мне гуманитарку по ночам не возят!

— Ко мне тоже.

— А что к тебе возят?

— Да ничего!

Сергеич хмыкнул. Пригубил чаю.

— И что, этой ночью тоже никто не приезжал?

— А ты чё, видел?

— Ага, за углем выходил, как холодно стало.

— Ну так это наши, оттуда! — кивнул Пашка. — На разведку.

— И что ж они разведывали?

— Проверяли, есть ли «укры» в селе!

— Врешь? — Сергеич уперся взглядом прямо в бегающие Пашкины глазки.

Тот, как к стенке поставленный, сразу сдался.

— Ага, вру, — сознался. — Пацаны какие-то. Сказали, что с Горловки. Предлагали «ауди» за триста баксов без документов.

— И что, купил? — ухмыльнулся Сергеич.

— Я что, debil? — Пашка отрицательно мотнул головой. — Если бы я пошел в дом за деньгами, они бы за мной, и нож в спину! Что, я не знаю, как это делается?

— А чего ж они ко мне не подъехали? — снова ехидно ухмыльнулся Сергеич.

— Так я им сказал, что один в селе, — охотно отозвался Пашка. — Да и переезда теперь с Шевченко на Ленина нет. Там ведь воронка от взрыва, возле Митьковых. Только танк пройдет!

Сергеич замолчал. Только продолжал смотреть на Пашку, на его плутовскую физиономию, которая подошла бы постаревшему карманнику, много раз ловленному, битому и потому пугливому. В свои сорок девять Пашка на добрый десяток лет старше самого Сергеича выглядел — то ли из-за землистого цвета лица, то ли из-за щек обшарпанных, словно всю жизнь тупой бритвой брился и кожу свою губил. Смотрел Сергеич на него и думал, что, не останься они тут вдвоем на все село, никогда б снова разговаривать с ним не стал. Так и жили бы параллельно каждый на своей улице и каждый своей жизнью. Он, Сергеич, на Ленина, а Пашка — на Шевченко. И никогда бы до самой смерти не разговаривали. Если бы не война.

— Давно у нас тут не стреляли, — вздохнул гость. — А вон у Гатной раньше только ночью из пушек бахали, а теперь уже и днем!.. А ты, — Пашка вдруг голову чуть вперед наклонил, — если наши о чем попросят, сделаешь?

— Какие — «наши»? — недовольно переспросил Сергеич.

— Ну наши, донецкие! Что ты придуриваешься?

— Мои «наши» в сарае, а больше я никаких «наших» не знаю. Ты мне тоже не очень-то «наш»!

— Да хватит бычиться? Не выпался, что ли? — Пашка скривил губы, чтобы свое неудовольствие выразить. — Или пчелы твои померзли, так ты на мне зло срываешь?